

Рец. на: Я.Н. Рабинович. Малые города Новгородской земли в Смутное время. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2013. 433 с.

Adrian Selin

(National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia)

Rec. ad op.: Ya.N. Rabinovich. Malye goroda Novgorodskoi zemli v Smutnoe vremia. Veliky Novgorod, 2013

Рецензируемая книга Я.Н. Рабиновича посвящена малым городам Новгородской земли в Смутное время; её наименование отчасти совпадает с названием защищённой им в 2010 г. в Саратовском государственном университете кандидатской диссертации. Взыскательный читатель сразу же начнёт искать в книге следы переработанного диссертационного исследования, однако благодаря работе самого автора и научной редакции серии «Новгородская историческая библиотека» они незаметны – мы имеем дело с полноценной монографией. Несмотря на скромное название, в книге даётся хороший, качественный обзор событий Смуты в Новгородской земле; очевидно, что жизнь малых городов составляла в то время единое целое с судьбой Новгорода Великого.

Выбор объекта исследования – малых городов, новгородских пригородов-крепостей – обусловлен взглядом на движущие силы событий Смуты, сформулированным в двух монографиях И.О. Тюменцева, к которому присоединяются Рабинович и автор этих строк: наибольшую поддержку движения самозванцев получили у «служилой мелкоты» – служилых людей по прибору, низов городского дворянства, мелких землевладельцев (с. 63). Рассмотренная в книге судьба малых городов Новгородчины ещё раз подтверждает этот тезис. В начале монографии автор обращается к вопросу о взаимоотношениях шведской власти и Новгорода в 1611–1617 гг., предлагая их оригинальную периодизацию. По мнению учёного, с точки зрения новгородцев, до начала 1613 г. это был альянс, союзнические отношения, тогда как с позиции шве-

дов, с самого начала имела место интервенция. В поисках точной характеристики явления исследователь обращается к международному праву. По его мнению, с воцарением Михаила Романова, повлекшим восстания в Тихвине, Гдове, Порхове, шведское военное присутствие становится интервенцией и с точки зрения новгородцев (с. 7–8).

Самым серьёзным недостатком книги является то, что её автор всё ещё находится в поисках собственного места в историографии Смуты. Именно историографические сюжеты кажутся менее всего проработанными. Рабинович отсчитывает историю осмысления Смуты в Новгороде с написания «Временника» Ивана Тимофеева и «Рассуждения» о причинах Северной войны П.П. Шафирова, но пропускает почему-то «Новый летописец» (с. 9). Не всегда удачна апелляция автора к историографии; в книге, изданной в XXI в., продолжают использоваться устаревшие штампы, противопоставляется «советская» и «дореволюционная» историография (с. 4), неясен вопрос о том, к какой из них относятся шведские и американские работы о Смуте. Видимо, не вполне удачен термин «партизанская борьба», позаимствованный из работ В.А. Фигаровского 1930-х гг. (с. 101).

Важное место в книге занимают хорошо изученные в работах К.Н. Сербиной (1951) и О.А. Курбатова (2006) события под Тихвинским монастырём. Книга Сербиной могла в своё время считаться образцовым исследованием. Вместе с тем невозможно сегодня некритично повторять тезис исследовательницы о том, что «Тихвинский посад... был больше

городом, чем иные города» (с. 7). Нельзя и согласиться с утверждением Рабиновича о том, что Д.С. Лихачёв более тщательно, чем С.Ф. Платонов, рассмотрел «Повесть об осаде Тихвина монастыря» и «Сказание об иконе» (с. 19): Лихачёв, в отличие от Платонова, никогда не исследовал историю Смуты; при всех недостатках работ последнего, они являются гораздо более тонким погружением в проблематику Смутного времени.

В большом очерке историографии много отсылок к малонаучным трудам, имеется и некоторая непоследовательность: работы Г.А. Замятина названы позже общеисторических работ М.Н. Покровского (с. 19). Через запятую упомянута краеведческая и крайне непрофессиональная работа И.Н. Вязинина и академическое исследование З.А. Тимошенко. Шведская историография Смуты в Новгороде также не может считаться исчерпывающей. Историографические неточности Рабиновича, однако, соседствуют с удачными находками. Очень верным следует признать его замечание об опасности ухода в провиденциализм (с. 22) в связи с оценками идеологического воздействия Смуты.

В первой главе монографии содержится общий обзор событий Смуты на Северо-Западе начиная с 1608 г. и заканчивая Клушинской битвой 1610 г. (которую Рабинович считает точкой отсчёта шведской интервенции). Центральной фигурой здесь традиционно является кн. М.В. Скопин-Шуйский, а главным событием – заключение Выборгского договора со Швецией. Бегство кн. Скопина-Шуйского из Новгорода Рабинович связывает с мятежом в Новгороде, о котором в источниках прямых указаний нет (с. 63). Плодотворна попытка автора монографии найти сведения о новгородских служилых людях по прибору того времени. Весьма кстати здесь приводятся известия о корельских стрельцах, оказавшихся в Ярославле, где содержалась Марина Мнишек.

Автор очень точно обосновывает начало военных действий шведской стороны против России: он указывает на грамоту Василия Шуйского к городам от «немецкой украины», в которой предпи-

сывается относиться к шведам как к неприятелям (10 августа 1610 г. эта грамота была повторена московскими боярами) (с. 82–83). Впервые на это обратил внимание Г.А. Замятин, указывавший на то, что царь Василий Шуйский успел аннулировать Выборгский договор. Позднее в наказе Филарету Романову бояре писали, что после Клушина царь Василий Корелу «немцам отдавать не велел» (с. 85, 98). Автор пытается выяснить причины конфликта между Швецией и Польшей, при этом даёт весьма странную оценку противостояния Сигизмунда III и Карла IX. Он оценивает династическую, идеологическую борьбу, и вместе с тем борьбу за Балтику (Ревель и Гданьск). Недоумение вызывает следующая фраза: «Династические и идеологические причины польско-шведской борьбы за Прибалтику не были единственными в таком длительном конфликте» (с. 60).

Вторая глава посвящена собственно военно-политической борьбе на Северо-Западе до взятия Новгорода шведами. Представляется очень важным следующее наблюдение автора: после свержения царя Василия Шуйского небольшие города оказались предоставленными сами себе и часто служили разменной монетой в крупной политической игре (с. 127). Центральным пунктом, где разворачивались тогда основные события, разумеется, являлась Корела. Несколько наивны наблюдения исследователя, связанные со шведской религиозной политикой в Кореле в конце XVI в. (с. 89). Не могу согласиться с его мнением о том, что Тимофея Хахина (впоследствии переводчика при шведской администрации Новгорода, а после 1617 г. шведского подданного) нельзя именовать защитником Корелы в 1610 г. (с. 102). Но автор совершенно прав, когда пишет, что защитники Корелы вследствие падения центральной власти в стране стали действовать «на свой страх и риск» (с. 106).

Рабинович обращается к известному проекту договора Новгорода с Деллагарди (июнь 1611 г.) и справедливо указывает на то, что возможной границей России и Швеции в нём предполагалась Нева (с. 132). Существенными являются и права сословий, оговорённые в проекте: отмена запрета на выезд новгородских купцов за

рубеж, гарантия поместных дач прежних царствований. Учтены были и требования атаманов и казаков Ополчения – право на отъезд в Московское государство и обратный выезд без запрещения, «как это было во времена царя Бориса» (с. 140). Важными являются и размышления исследователя о причинах задержки новгородского посольства в Швецию в конце декабря 1611 г. Новгородцы, согласно его выводам, ждали возвращения Дмитрия Зеленина, посланного под Москву, но так и не дождались в связи со сменой власти в I Ополчении (с. 164). Очень здравой и точной следует считать оценку Рабиновичем общественных настроений в Новгороде 1611–1617 гг. Он утверждает, что о «шведской» партии в Новгороде говорить оснований нет (с. 238–239). Точно так же нельзя говорить и о существовании в Новгороде партии «сепаратистов». Полностью присоединяюсь и к оценке автором политической деятельности короля Густава Адольфа в отношении России в 1614–1617 гг.

Ход боевых действий в Новгородской земле, восстания в Гдове, Тихвине, Порхове, а также попытки добиться локальных примирений изложены Рабиновичем с доскональной точностью. Нет особой необходимости останавливаться на небольших неточностях, связанных прежде всего с дефицитом источников. Автор даёт детальное описание замирения в Новгородской земле и пути к Столбовскому договору. Важной кажется оценка учёным Столбовского мира (с. 377–378). Современники считали этот договор выгодным для России: царь Михаил Романов велел по городам «молебны петь со звоном». Однако нынешние исследователи, как правило, цитируют лишь слова короля Густава-Адольфа о том, что у России навсегда отнято море (в связи с чем в советское время Столбовский мир считали для неё унижительным). Но следует подчеркнуть, что мир со Швецией принёс спокойствие в Новгородскую землю.

В заключение автор резюмирует: в годы Смуты активизировались местные

миры, с которыми были вынуждены находить общий язык все противоборствующие стороны. При этом именно малые города стали залогом удержания власти в том ли ином уезде. Остаётся только констатировать, что в течение XVII в. такая роль местных миров, обозначившаяся в Смуту, была полностью утрачена.

Остановлюсь на некоторых существенных неточностях рецензируемой книги. Нельзя согласиться с рядом историко-географических наблюдений автора: Орешек и Корелу он помещает на берегу Ладожского озера (с. 6), что неверно; в книге упоминается Старая Ладога, получившая такое название лишь в 1704 г. (с. 16). Не соглашусь и с некоторыми характеристиками источников. Учёный пишет, что «сохранилась роспись личного состава войска отряда Р. Мюра в 1612 г.» (с. 206–207), что не соответствует действительности. Автор ссылается на один из документов Новгородского оккупационного архива («Отписка старорусского воеводы Гарасима Муравьева и дьяка Томилы Сергеева дьяку Пятому Григорьеву с указанием, сколько каких воинских и приказных людей в Старой Русе и какие на них расходуются казенные корма и деньги»¹). В этом документе никакой «росписи войска» нет, а перечисляются только некоторые шведские начальники, а также говорится о 90 стрельцах и 74 шведских конных воинах. Впрочем, поимённые росписи шведских отрядов, действовавших в составе корпусов Я. Делагарди и Э. Горна, частично сохранились в Военном архиве Швеции.

Подводя итог, отмечу, что монография Я.Н. Рабиновича может быть оценена как закономерный и позитивный итог длительного исследования истории русского Северо-Запада в эпоху Смуты. Учёный по праву занял достойное место в историографии Смутного времени.

Примечание

¹ Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod, serie 2: 359. S. 37b–40.